

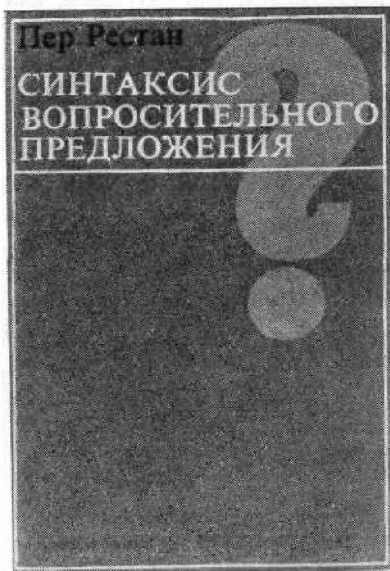
Пер Рестан.

**СИНТАКСИС
ВОПРОСИТЕЛЬНОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Universitetsforlaget,
Oslo—Bergen—Tromsø

В русистике последних лет при общем большом внимании к проблемам синтаксиса простого предложения вопросительным предложениям не уделялось специального внимания, хотя в теоретических исследованиях и практике научения устной речи, говорению как виду речевой деятельности вопросительное предложение занимает заметное место. Поэтому понятен интерес к фундаментальному исследованию П. Рестана, посвященному общевопросительным предложениям в современном русском литературном языке¹.

В основу книги положен большой языковой материал — свыше 10 000 общих вопросов, выбранных путем сплошного анализа из произведений русской художественной литературы, писем писателей, деятелей культуры и науки последних 150 лет, из современных газет, общественно-политических публикаций и научных статей по лингвистике и педагогике. Постановка и решение вопроса, выводы автора, многочисленные ссылки на лингвистическую литературу и библиография, приведенная в конце книги, свидетельствуют о том, что

в исследовании обобщены основные труды по разбираемому вопросу, вышедшие до 1968 г.

Достаточно большой объем работы, подробный и многосторонний анализ собранного материала и последовательные шаги этого анализа позволяют читателю вместе с автором проделать этот интересный путь и сделать собственные выводы.

Очертив в самом общем виде характер русского общевопросительного предложения — специфическая интонация, вопросительные морфемы, особый порядок слов (стр. 28), автор затем проводит подробнейший формальный и функциональный разбор всех типов общих вопросов, встреченных им в круге проанализированных текстов. В формальном анализе структуры вопросительного предложения автор исходит из установившейся в русской синтаксической теории традиции деления всех простых предложений на двусоставные и односоставные, однако следует в основании и принципах деления не русской, а чешской традиции². При этом знаменательно, что сам языковой материал, вопреки принятой автором теории, заставляет автора в выводах сгруппировать его с позиций русской синтаксической традиции, что, на наш взгляд, наиболее ярко проявилось при разборе односоставных предложений, предикативное ядро которых составляет категория состояния (стр. 356—369). И в другом случае терминология

¹ Это, видимо, объясняется тем, что как сказано в аннотации к книге, автор занимался русским языком в Карловом университете в Праге под руководством проф. Л. Копецкого.

² В дальнейшем — просто «вопросительное предложение».

и обозначаемые ею понятия, принятые в русской традиции, как нам кажется, с большей степенью точности передают явления, свойственные русской грамматической системе. Как известно, многозначность и неопределенность терминов «модальность» и «модальный» до некоторой степени преодолеваются тем, что вопросительные, повествовательные и повелительные предложения противопоставляются по цели высказывания (Грамматика русского языка. АН СССР, ч. II, т. I, стр. 355—369. М., 1954), а не по модальности. Довольно четко ограничиваются синтаксическая и лексическая модальность, с одной стороны, объективная и субъективная модальность — с другой (там же, стр. 64—82). Представляется, что неразличение в составе частицы *ли* ее чисто грамматических, вопросительных и субъективно-модальных значений, к чему автора подвел его собственный анализ (стр. 193—200), — тоже следствие недостаточно четкого разграничения этих понятий.

В каждом структурном типе двусоставного и односоставного предложения автор анализирует: наличие/отсутствие вопросительной грамматической морфемы; порядок слов; наличие/отсутствие частицы *ли*. Таким образом, получается довольно дробное и расплывчатое описание, включающее до 80 различных «вариантов» вопросительных предложений в современном русском литературном языке.

Эта дробность отчасти снимается однородностью анализа функциональных характеристик каждого из перечисленных типов. П. Рестан выделяет 5 основных функциональных типов вопросительных предложений в современном русском литературном языке, одинаково значимых для каждого формального типа, с некоторыми, конечно, ограничениями: чисто-информативный, презумптивный, риторический, эмоционально-констатирующий, дубитативный.

Чисто-информативными называются предложения, в которых спрашивающий обнаруживает полное незнание того, будет ли ответ положительным или отрицательным, на них одинаково возможен ответ *да/нет*. *Уехала ли Марья Ивановна? Пойдет ли моя пьеса? Вы подписали рассказ настоящей фамилией? Следует ли каждую отписку отмечать на полях?* Разновидностью чисто-информативного типа признается разделительный вопрос: *Будете*

ли вы в Петербурге или на даче около этого времени?, в котором любая из названных альтернатив представляется спрашивающему одинаково возможной.

Презумптивные вопросы — это вопросы, в которых учитывается известная степень вероятности положительного или отрицательного ответа на поставленный вопрос. Это название автор образует от латинского *praesumere* — *предполагать* и приводит в качестве «классического» примера презумптивного вопроса «известные слова путешественника Стенли при исторической встрече с Ливингстоном в девственном лесу около озера Танганьики: "Doktor Livingston, I PRESUME?" — „Доктор Ливингстон, я предполагаю?“» (стр. 183). *Может быть, ты заедешь сюда? Камень, может, от него остался? Вы, поди, есть хотите? Дома никого нет, конечно? Стало быть, успех? Помочь вам? Налить тебе? Как видно из примеров, презумптивность вопроса, как правило, выражается с помощью модальных слов или частиц. Однако есть случаи, когда презумптивность выражается или особым типом инфинитивного односоставного предложения, или ситуацией, или контекстом: *Тебя качало на пароходе? Ведь была буря.**

Характеризуя риторические вопросы, автор обращает внимание на противоречие между формой и содержанием в этом типе вопросов и отмечает не только отрицательную конструкцию при положительной форме (*Но Бальзак, разве серо он писал?*), но и положительную конструкцию при отрицательной форме (*Ну не дурак ли я?*) (стр. 509—510).

Функция эмоционально-констатирующего вопроса — не приобретение информации, а выражение эмоциональной реакции на замеченный факт: *Разве вы не танцуете с княжной Щербацкой? Неужели уже четыре недели прошло? Это Гриша? Уходите? Переделась?*

В дубитативном вопросе говорящий выражает сомнение, скептицизм по отношению к высказываемому: *Хорошо ли вы поступаете, живя без лечения на Капри? Здорова ли ты? А примут? Не сердит ли вас это? Не виноват ли я? Вы не сын Григория Максимовича?*

Обоснованность выводов автора относительно структурного состава и функциональных особенностей вопросительного предложения в современном русском литературном языке подкрепляется главами, посвященными ана-

лизу общевопросительных предложений в русских фольклорных текстах и записях народных говоров (часть пятая, стр. 525—548), в русских памятниках XI—XVIII веков (часть шестая, стр. 549—572) и в отдельных славянских языках (часть седьмая, стр. 573—718). Интересно отметить, что поиски единого для всех славянских языков формального типа общевопросительного предложения оказались безуспешными: в одних славянских языках типичными являются вопросительные предложения, оформленные интонацией; в других — вопросительные предложения, оформленные вопросительной морфемой; третьи, в том числе и русский язык, представляют собой промежуточный тип. С функциональной точки зрения вопросительные предложения в славянских языках однородны.

Кроме структурно-функциональных характеристик вопросительных предложений автор стремится определить стилистическую принадлежность каждого типа. Однако эту часть работы приходится признать неудачной. Прежде всего потому, что намечаемые автором стили: «а) художественная литература (прозаическая и стихотворная), б) эпистолярная проза, в) деловая проза (в основном литература политическая, дидактическая, научная или научно-популярная)» (стр. 31) — не отражают действительной стилиевой дифференциации современного русского языка³ и не учитывают разницу между книжными/разговорными и устными/и письменными разновидностями речи⁴. Кроме того, конкретный материал по каждому из трех избранных стилей в ряде случаев неудачен, что, видимо, объясняется «устареваемостью» газетных текстов (стр. 77, 146, 743, 444 и др.). Правда, специальная глава книги посвящается «Вопросительным конструкциям, типичным для разговорной речи» (стр. 467—493). Однако здесь анализируются конструкции, отражающие живую речь в художественной литературе, и обращается внимание только на характерные для разговорной речи вопросительные частицы: *что, что ли, как, или, нешто*.

³ См., например: М. Н. Кожина. К основам функциональной стилистики. Пермь, 1968.

⁴ См., например: В. Г. Костомарова. К итогам дискуссии о разговорной речи. «Русский язык в национальной школе», 1966, № 6.

В анализе языкового материала автор постоянно проявляет себя как внимательный исследователь: в книге содержится множество точных и интересных замечаний о влиянии лексической природы отдельных компонентов структуры предложения на его формальную и функциональную природу — о семантике глагола (стр. 42, 137—138, 299) и предикативных слов (стр. 373), об обобщающих местоименных словах типа *весь* (стр. 83), о субстантивированных местоимениях с частицей *-нибудь* (стр. 500) и др.; об относительности субъективно-модальных характеристик презумптивных предложений и наличии большого числа переходных и промежуточных случаев (стр. 181—187); об отрицательных вопросах и ответах на отрицательный вопрос (стр. 288—352).

Как уже говорилось, порядок слов в вопросительном предложе-

нии автор рассматривает в качестве одной из существенных характеристик его формального состава, при этом он прибегает к понятиям актуального членения, ссылаясь в первую очередь на известную статью В. Матезиуса (стр. 282), а затем на специальные исследования о порядке слов и актуальном членении в русском языке (стр. 283—286, 379, 419, 456 и др.). Но приводя слова В. Матезиуса о разграничении предложения как высказывания и предложения как абстрактной модели, о связи высказывания с данной ситуацией, с данными условиями речи, автор не замечает, что эти слова относятся к проблематике вопросительного предложения в целом, что основные особенности вопросительного предложения лежат в сфере динамического, коммуникативного синтаксиса. Действительно, богатейший конкретный

материал много раз вплотную приводит автора к выводу о том, что каждое реальное вопросительное предложение — высказывание — продукт и составная часть контекста или ситуации в широком смысле слова. Автор неоднократно замечает, что ситуация и контекст определяют не только элементы формального строения вопросительного предложения (порядок слов и полностью/неполноту), но и его функциональные особенности (селективные вопросы — стр. 211, 230, вопросительные повторы — стр. 419—433, и др.).

Однако высказанные замечания не уменьшают интереса к рецензируемому исследованию, которое освещает многие проблемы общевпросительных предложений в современном русском литературном языке.

Е. М. Степанова

М. Bucă, I. Evseev.

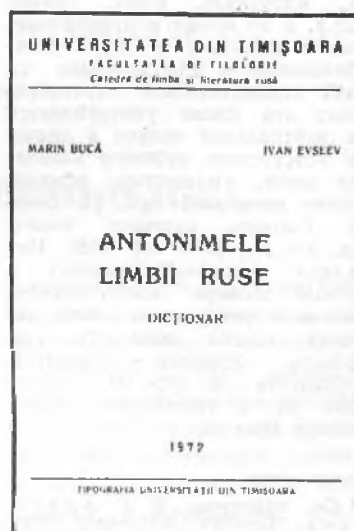
ANTONIMELE
LIMBII RUSE.
DICTIONAR.

Timișoara, 1972

«Словарь антонимов русского языка», составленный М. Бука и И. Евсеевым, предназначен для румынских студентов-филологов. Он содержит около 140 наиболее употребительных пар и рядов антонимов и имеет учебный характер. Это первый опыт русско-иностранный словарь антонимов. Авторы словаря видят основное свойство антонимов (слов с противоположно-соотносительными значениями) в их противопоставляемости в речевых контекстах различных типов. Поэтому одним из важнейших компонентов словарной статьи в указанном словаре оказывается показ употреблений слов с противоположными значениями, что отвечает назначению учебного словаря, который к тому же «предназначен служить в качестве вспомогательного пособия на практических занятиях по русскому языку» (стр. 2).

Несколько слов о структуре словаря и словарной статьи.

Словарь состоит из небольшого предисловия, алфавитного списка

антонимических пар (рядов) и указателя антонимов. В антонимических парах слова расположены в алфавитном порядке,

например: *больной* — *здоровый*, *вопрос* — *ответ*, *увеличиваться* — *уменьшаться*, но не наоборот. В синонимических группах, образующих ряды антонимов, последние располагаются по принципу «немаркированности — маркированности» вокруг синонимической доминанты, а сами синонимические группы даются по алфавиту их доминант, например: *отрицательный*, *негативный* — *положительный*, *позитивный*; *враг*, *недруг* — *друг* и т. п.

В качестве примера словарной статьи приведем противопоставление прилагательных *больной* — *здоровый* (стр. 13—14):

Больной — здоровый
bolnav — sănătos

Больной — страдающий какой-либо болезнью.

Здоровый — обладающий здоровьем.

Р. Р., забавный толстяк, который считает себя очень **большим** и очень умным человеком,

а здоров как бык, глуп как пень. (И. С. Тургенев)

Я слышала, как она сказала: — Бабушка, **больного** или **здорового**, живого или мертвого, я не хочу его видеть. Поняла? (В. Каверин)

Он не признавал себя **больным**, как не признают и все помешанные, которым кажется, что весь мир помешался, и лишь они одни **здоровы**. (Н. Морозов)

Отбор словника производился авторами на основе учета употребительности слов в их контекстуальных противопоставлениях. По справедливому замечанию составителей словаря, «противопоставляемость антонимов в речевых контекстах не всегда находится в прямой зависимости от абсолютной частотности их употребления» (стр. 1). При составлении своего словаря М. Букэ и И. Евсеев опирались на данные «Словаря антонимов русского языка» Л. А. Введенской (Ростов-на-Дону, 1971) и «Словаря антонимов русского языка» Н. П. Колесникова (Тбилиси, 1972). Отобранные противопоставления в целом отражают важнейшие противоположности в лексике и дают представление о «ядре» антонимии русского языка. Состав словника находится в соответствии с учебной направленностью словаря: это противопоставления слов, наиболее необходимые в важнейших ситуациях обучения языку, наиболее существенные при активизации речи. Следует подчеркнуть, что систематизация слов с точки зрения их противоположности имеет большое практическое значение, так как помогает учащимся овладеть одной из важных категорий слов — антонимии, поскольку слова с полярными значениями в нашем сознании «заложены парами, причем каждое из слов всегда так или иначе вызывает представление о другом»¹.

Наиболее важный вопрос в словаре антонимов — установление антонимической пары (группы). В лингвистической литературе было предложено несколько критериев выделения антонимов: систематизация употребления таких слов в типовых антонимичных контекстах, последовательный учет синтагматических, парадигматических и прагматических

отношений противоположных по смыслу слов, семический анализ таких слов² и др.

Составители словаря, судя по представленному в нем материалу, учитывали различные критерии выделения антонимов и разные аспекты взаимоотношения между такими словами. Подавляющее большинство представленных антонимических противопоставлений не вызывает возражения. Однако в ряде случаев необходимо внести уточнения. Приведем некоторые примеры. В группе *восход, рассвет — закат* (стр. 37) отсутствует существительное *заход*, симметричное слову *восход*, соотносительное с ним по словообразовательной структуре и непосредственно противопоставляемое ему в текстах (ср. *восход солнца — заход солнца*: «26 апреля, *восход* — 4.59, *заход* — 19.58» — из календаря; ср. *в(о)сходить — заходить*: *Солнце в(о)сходит и заходит*; напротив, слова *рассвет* и *закат* часто коррелируют друг с другом в сочетаниях с предлогом *на* при обозначении времени: *на рассвете — на закате*, это оказывается характерным для первой пары слов). В противопоставлении *избыток, излишек — недоста* (стр. 71) в качестве второго члена оппозиции следовало бы указать существительное *недостаток*: оно обладает значительно более частой и регулярной совместной встречаемостью в тексте со словом *избыток* (*избыток / недостаток* — о времени, силах, чувствах, материале, влаге, солнце и др.), в то время как существительное *недоста* — менее употребительное и просторечное по своей стилистической характеристике; это слово употребляется как нейтральное только в значении «отсутствие нужного количества денег, имущества, обнаруженное проверкой» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 9-е. М., 1972, стр. 368). Нет никаких оснований вводить в учебный словарь малоупотребительные и устаревшие слова, например глагол *обога*ть (ср. *обеднеть, обнищать — обога*ть, *разбога*ть на стр. 99); этого слова нет в упомянутом выше Словаре Ожегова.

² См., например: В. Н. Комиссаров. Словарь антонимов современного английского языка. М., 1964; Л. А. Новиков. Семантический анализ противоположности в лексике: принципы, аспекты, метод. «Филологические науки», 1973, № 3; R. Sîrbu. Analiza semantică a antonimelor. Analele Universității din Timișoara, v. X, и др.

В некоторых парах слов нет четкой семантической противопоставленности по одному признаку и стилистической однородности, свойственных языковой антонимии. Слову *реальный* противопоставит антоним *нереальный*, содержащий предельное для данной пары качественных прилагательных отрицание, а не *фантастический*, который в лучшем случае может рассматриваться как экспрессивный синоним последнего и весьма приблизительная (причем в строго определенном употреблении) противоположность прилагательного *реальный*, его «квазиантоним» (стр. 117). Наиболее частым противопоставлением, свойственным современному словоупотреблению, является *свой — чужой* (отсутствующее в словаре), а не *родной — чужой* (стр. 118) и др.

Теперь несколько слов о показе употребления слов-антонимов в речи. Краткая семантическая характеристика антонимов (толкование по-русски, перевод на румынский язык) дает известное представление о возможном употреблении антонимов. Этому в значительной степени способствуют и типовые контексты (предложения), приводимые в конце словарных статей. Однако этого все же недостаточно в учебном словаре ни для семантизации антонимичных слов (показа того, какие именно значения у них противоположны), ни для определения зоны их антонимии (т. е. тех основных контекстов, в которых они могут противопоставляться). Необходимо указать важнейшие сочетания, в которых данные слова могут противопоставляться как антонимы, а в каких — нет. Это даст возможность учащимся правильно употреблять слова с противоположными значениями и избежать последствий отрицательной интерференции.

Обратимся к одному из примеров словаря, а именно: к показу употребления антонимических противопоставлений *легкий*₁ — *трудный*, *легкий*₂ — *тяжелый* (стр. 81—82). Здесь мы находим краткое толкование слов (не во всех значениях) и указание на их эквиваленты в румынском языке. Однако само употребление антонимов в речи остается недостаточно раскрытым: есть указание лишь на такие противопоставления, как *трудная / легкая задача*, *трудная / легкая жизнь*, *трудное / легкое поручение*, *трудный / легкий текст*, *тяжелый / легкий чемодан* и др., *тяжелое / легкое одеяло*.

¹ Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 139.

Между тем в словаре, предназначенном для иностранцев, крайне важно было бы указать и другие важнейшие контексты антонимии, соответствующие противоположным значениям (лексико-грамматическим вариантам) слов. Это позволило бы не только более полно раскрыть смысловую структуру таких слов, но и в достаточной степени гарантировать правильное употребление их в речи, например:

(1) *легкий — тяжелый* (о чемодане, сумке, корзине, весе, грузе и т. п.); ср. *тяжелые косы, легкое платье* (Она легко одета), где антонимия невозможна (характеристика с точки зрения веса);

(2) *легкий — тяжелый* (о своде, потолке, колонне, здании, мебели и т. п.); ср. только *тяжелая черепица* (характеристика внешнего вида чего-либо, пропорций и т. п.);

(3) *легкий — тяжелый* (о походке, шаге, поступи и др.; характеристика манеры двигаться, ходить);

(4) *легкий — тяжелый* (о пище); ср. только *легкий завтрак, обед, ужин* (характеристика с точки зрения усвоения пищи, ее количества);

(5) *легкий — тяжелый* (о труде, работе, родах, смерти и др.); ср. только *легкий успех; тяжелое дыхание* (характеристика с точки зрения выполнения, осуществления, достижения чего-либо);

(6) *легкий — тяжелый* (о простуде, заболевании, ранении, наказании; характеристика с точки зрения силы, степени проявления чего-либо, меры и т. п.);

(7) *легкий — тяжелый* (о характере, нраве); ср. *тяжелый человек* (характеристика с точки зрения взаимоотношения с другими людьми) и некоторые другие противопоставления.

Аналогичным образом должны быть описаны и противопоставления прилагательного *легкий* другим антонимам: *легкий — трудный* (*урок, текст*), *легкий — сильный* [*мороз, ветер(ок), шум*], *легкое — крепкое* (о вине), *легкий — глубокий* (*сон*) и др.

Разработка лексико-синтагматического аспекта в словаре (его синтагматики) важна для различных словарей, так как главная задача словаря — представить язык в его реализации. Эта задача приобретает особую актуальность в словарях активного типа, к которым принадлежит, в частности, и словарь антонимов.

Как видно, указанные выше критические замечания касаются частностей или имеют скорее характер пожеланий, существенных, однако, с нашей точки зрения, для дальнейшей работы над словарем антонимов и другими словарями (например, словарем синонимов), создаваемыми на кафедре русского языка и литературы филологического факультета Тимшоарского университета.

Словарь М. Буэк и И. Евсеева представляет собой полезное пособие по лексике и является существенным вкладом как в изучение и описание русской антонимии, так и в разработку одного из типов словарей антонимов.

Л. А. Новиков

Ю. А. САФЬЯН.

Частотный словарь русской технической лексики.

Ереван.

Изд-во «Барцрагуйн дпроц»,
1971

Семья частотных словарей русского языка пополнилась еще одной весьма ценной работой. Ереванское изд-во «Барцрагуйн дпроц» выпустило в свет «Частотный словарь русской технической лексики», составленный Ю. А. Сафьяном.

В соответствии с заглавием книга представляет собой лингвостатистический анализ словарного состава технической литературы. Она открывается предисловием, в котором описываются содержание

и структура словаря и излагаются методические принципы, положенные в основу исследования. Источниками словаря послужили выборки из стабильных учебников и пособий для высших учебных заведений технического профиля, а также из теоретических исследований и журнальных статей. Длина общей выборки составляет 400 000 словоупотреблений. Она получена обследованием 200 стандартных по длине выборок по 2000 словоупотреблений каждая,

взятых из 200 источников. Тематически источники распределяются по пяти отраслям технических наук и промышленности.

В результате анализа материала составлены два списка: основной и неосновной, каждый из которых представлен по частоте и по алфавиту. Основной список состоит из 1644 слов, встретившихся во всех пяти отраслях в десяти и более источниках. Неосновной список содержит 749 слов, которые встретились не во всех отраслях техники. В сводном словоуказателе слова из названных двух списков упорядочиваются по алфавиту.

Приводимые в предисловии статистические данные, характеризующие распределение грамматических классов в словарях технической литературы и литературного языка Э. А. Штейнфельдт, автором содержательно интерпретируются.

Продолжение на стр. 123 ▶